Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 29. Львовъ, 13 Липня 1856. РОКЪ IX.

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

I. ОЛЬДРИХЪ И БОЛЕСЛАВЪ.

. . . . ся въ лѣсѣ чорный,
Тамъ, где собиралися владыки,
Семь владыкъ, и ихъ удалы сборы.
Тамъ и Выгонь-Дубъ въ ночную темность,
Тамъ ишла и вся его дружина.
Вся дружина сто числила хлоповъ:
Всѣ въ ножнахъ мечи имѣли остры,
Всѣ къ мечамъ имѣли мощны руки,
Къ Выгоню въ утробахъ сталу вѣру.
И сошлися въ серединѣ лѣса,
Въ около правы си подали руки,
Тихими словами говорили.

Ночь перевалилась черезъ полночь,
Къ сѣдосѣрому сближалась утру.
Выгонь сталъ казати князю Ольдрѣ:
„Гой послухай велеславный княже!
Богъ ти далъ буярость и всѣ уды,
Богъ ти въ буйну голову далъ розумъ;
Ты веди насъ на Полянъ недобрыхъ!
За тобовь пойдемъ мы въ право въ лѣво,
Будь въ задъ, будь въ передъ, въ всѣ люты битвы,
Нужъ взмужи ты въ буйныхъ сердцахъ храбрость!"

И взялъ князь въ могучу руку прапоръ:
„Гой за мною, на Полянъ хоробры!
На Полянъ враговъ землицы нашей!„
Осьмь владыкъ за нимъ ся загорнуло,
А за ними три ста полъ ста войновъ,
Войновъ преудалыхъ тамъ, где были
Многи въ снѣ Поляне розвалены.
На вершинѣ по край лѣса стали.
Прага въ утреннемъ спанью молчала;
Курится Влетава въ ранной парѣ,
А за Прагою синѣютъ горы,
За горами всходъ сѣдый яснѣетъ.

„Въ долъ за мною, тихо, все тихенько!„
Въ тихой Празѣ всѣ сокрылись хитро,
Всѣ оружье подъ одежу скрыли.

Идетъ пастухъ — еще сѣдое утро, —
Кличетъ, щобы отворили браму.
Слышетъ сторожь кликанье пастушье,
Отворяетъ браму чрезъ Влетаву.
Пастырь всходитъ на мостъ, въ голосъ трубитъ.
Скочитъ князь на мостъ и съ нимъ владыки,
Каждый скачетъ со всѣмъ своимъ людомъ.
И ударили якъ громъ бубны,
Зазвучали, загучали трубы.
Вѣютъ на мосту дружинъ хоругви,
Весь мостъ подъ давомъ дружинъ трясется.
Страхъ великій у Полянъ ударитъ;

За оружіе всѣ ухватили.
Но владыки сѣкли и ранили.
Въ томъ Поляне тамъ и сямъ поскочатъ,
Далѣй черезъ перекопы къ брамѣ,
Дальше, дальше, и отъ сѣчи сбѣгли

Ой самъ Богъ намъ даровалъ побѣду!
И одно на небѣ встало солнце,
Яроміръ надъ всею всталъ землею,
Рознеслася радость по всей Празѣ,
Рознеслася радость въ коло Праги,
Розлетѣлась радость по землѣ всей,
По земли всей отъ веселой Праги.

(П. с.)

Другая выпись изъ записокъ второго Путешествія зъ Рима въ Ерусалимъ священника гр. каѳ. церкви Ипполита Терлецкого.

Ночь въ Божомъ гробѣ.

(Продолженье)

Но не долго дрѣмалосѧ. Въ одинадцатомъ часѣ отозвалосѧ колатало Ормѧнъ а за нимъ скоро и Грековъ скликȣючи ихъ на полȣночницȣ. Сей часъ схопившись пригорнȣлъ ꙗ сѧ и пошелъ до церкви, та вотъ и звонъ латинцевъ приглашалъ ихъ на сїюжь молитовь. Не отъ дѣла тȣтъ бȣдетъ, такъ сїе кажетсѧ мнѣ, преподати нашимъ читателѧмъ насȣщнїй порѧдокъ богослȣженїй всѣхъ исповѣданїй въ свѧтомъ храмѣ. Розȣмѣетсѧ що въ дни праздничныи, та при нѣкихъ особенныхъ обстоѧтельствахъ порѧдокъ сей измѣнаетсѧ. Ормѧне, Греки, Копты и Сирїане, когда ночȣютъ въ церквѣ, не имѣютъ тȣтъ своей обители; начинаютъ полȣнощницȣ добре передъ полночїю, латинцы же о самой полночи. Сїи послѣдныи совершивши полȣночницȣ идȣтъ въ монастырь спати та о четвертомъ часѣ въ ȣтро возвращаютсѧ въ церковь отпѣти оутреннюю. Тамтїиже кȣпно съ полȣнощницею слȣжатъ литȣргїею. По обычаю восточномȣ дїаконы Грековъ, Ормѧнъ, Коптовъ и Сирїанъ обходѧтъ весь храмъ накажаѧ иконы, храмъ и присȣтствȣющихъ. Греки окончивши оутреннюю и часъ первый, такъ и около дрȣгїй зъ полночи совершаютъ свѧтȣю литȣргїю на Божомъ гробѣ або на лобной горѣ; когда творѧтъ св. литȣргїю на Божомъ гробѣ, то на лобной горѣ поютъ акафистъ; когда же тȣтъ совершаютъ св. литȣргїю, то тамъ есть акафистъ. Окончившимъ Грекамъ приходѧтъ до гроба Божого Ормѧне и тамъ такожде совершаютъ св. литȣргїю, послѣ нихъ же приходитъ черга на латинцевъ, ониже и повсѣхъ иныхъ своихъ престолахъ слȣжатъ св. литȣргїю. Копты и Сирїане правлѧтъ во своихъ капличахъ, когда оуже день настаетъ. Около 10. часѣ передъ полȣднемъ, всѣ исповѣданїѧ по всѣхъ капличахъ читаютъ часы. Надъ вечеръ читаютъ вечерню и повечерню. Латинцы ежедневно послѣ вечерньой совершаютъ обшествїе по всѣмъ св. статȣѧмъ со свѣщами и кадилницею поючи сохтокны латинскїи пѣсни и молитвы. Каждомȣ поклонникȣ даютъ благословеннȣю свѣчкȣ съ печатїю св. земли, на край свѣчки оттисненною. Подобное обшествїе дѣлаютъ такожде ежедневно Ормѧне. Греки же дѣлаютъ сїе лишь съ поклонниками, когда тїи приходѧтъ первый разъ во св. храмъ.

Вшедши въ св. храмъ, пошелъ ꙗ просто до Божого гроба и тамъ оуособленный самъ одинъ началъ молитисѧ. Въ окрȣгъ мене розносилисѧ молитвы розличными ꙗзыками, розличными обрѧдами, приносимыи во хвалȣ Богȣ Отцȣ со единороднымъ сыномъ и дȣхомъ, тройцѣ свѧтой единосȣщней и не роздѣльной, которыхъ гȣденїе воздȣхомъ пребивалось до Божого гроба. Вонѧ кадилницъ розливаласѧ легонько по воздȣхȣ. Блѣдое свѣтло догоривающихъ нѣсколькодесѧть свѣтилниковъ, кидало многообразныи тѣнїа на бѣлый мраморъ гроба Їисȣса Христа. Я сейж гробъ пресвѧтый, сїе сокровище мїра, всѧ свѣтлость и всѧ надежда рода человѣческого — вѣчное наставленїе людѧмъ — сей гробъ которомȣ поклонити оустремлѧютсѧ вѣрныи со всѣхъ сторонъ свѣта, чрезъ пространныи морѧ, безбережныи степи и непристȣпныи горы; сеи гробъ ꙗкȣюжь тȣжащȣю, ꙗкȣю чȣвствительнȣ, ꙗкȣю искреннȣ хотѧ безсловеснȣю бесѣдȣ внȣша

етъ въ дꙋшѣ человѣка? Кто сіе сдꙋжаетъ выповѣсти? И припалъ ꙗ обличіемъ къ землѣ — и двѣ стрꙋи слезъ покотили сѧ зъ очей за мене найгрѣшнѣйшего та за всѣхъ моихъ искренниxъ живыхъ и оусопшихъ — за добродѣтелей и дрꙋговъ — за гонителей и враговъ и за весь міръ. И всѣхъ тамъ кꙋпно сложилъ ꙗ подъ ноги моего и всѣхъ Спасителѧ Господа и Бога, сподобившего собственное родꙋ нашемꙋ тѣло обожественное лишити черезъ три дни въ семъ гробѣ. О ꙗкъ солодко, ꙗкъ любо въ тишинѣ тꙋтъ молитисѧ! кажетсѧ тебѣ, що съ Магдалиною припадаешь къ ногамъ Іисꙋса, та грѣшнѣйшій отъ ней слезами съ нею ихъ оумываешь; то ꙗкъ мытарь не дерзнешь глѧнꙋти на прес. гробъ и стонаючи зовешь біющисѧ въ грꙋди „Господи бꙋди милостивъ менѣ грѣшнемꙋ“ то сновь съ женою кананейскою просишь бꙋдь лишь о крꙋпицы милости и щедротъ Божихъ. Стало ꙗкось легше на сердцѣ и молилъ ꙗ хотѧй недостойный за церкви божіи и о соединеніе всѣхъ, за царей христіанскихъ, о оумиреніе мира, о обрѧщеніе отлꙋчившихъ сѧ отъ Божой церкви, за невѣрныхъ и о спасеніе всѣхъ — за дѣло, котромꙋ пожертвовалъ ꙗ себе, та оуже ось мало не десѧть лѣтъ по немъ трꙋждаюсь. Тѧжкіи, сꙋмныи дꙋмки начали налегати сердце: когдажь ось! когдажь то! трисвѧтый мой господе настанетъ счастливое времѧ ꙗознамѣрѧемого соединеніѧ? Когдажь люде исповѣдающіи тебе Іисꙋсе мой Богомъ и наставникомъ своимъ перестанꙋтъ роздирати розколомъ свѧтость твою? Когдажь новый твой законъ любви искренниxъ, которого ты былъ еси первымъ совершеннѣйшимъ послѣдователемъ, оживитъ междꙋ христіанами та выженетъ гидкіи ненависти и междꙋꙋсобныи гоненіѧ? Дꙋша моѧ и сердце мое оустремлѧютсѧ во семъ пресвѣтломъ часѣ, но очи мои оузрѧтъ ли совершеніе сего дѣла, которомꙋ пожертвовалъ ꙗ все естество мое? Где лишь поглѧнꙋ всюда тꙋга, трꙋдъ и перепоны — та и сіи, котрыибы найбольше должны спомоществовати, тіи самыи противлѧтсѧ еще, та преслѣдꙋютъ трꙋдѧщихъ сѧ въ томъ дѣлѣ. Чꙋю по всей землѣ всѧкого исповѣданіѧ христіанъ молѧщихъ Бога„ о благостоѧнію св. божихъ церквей и соединенію всѣхъ” но ктожь молитовь сію розбираетъ въ сердцѣ? кто оусердно проєю дꙋмаетъ, та трꙋдитсѧ ей ради совершеніемъ? Ꙗкій се человѣкъ, акій народъ, которомꙋ Богъ врꙋчаетъ оусовершеніе своего дѣла? Тꙋтъ ꙗкаѧсь потѣха, мрачнаѧ ꙗкась надежда озарила мое сердце — естьже она отъ Бога? Почꙋвствовалъ ꙗкимсь неизреченнымъ образомъ, що на сіе великое дѣло, назначенный нашь родъ славѧнскій. — (К. с.)

Ꙋтро и день.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе).

Тихо было въ цѣлой окрестности, бꙋдь що въ близости звонкаѧ сокира при деревѣ стꙋчала, а ехо того отгомона лоскотала многократно въ лѣскꙋ. Въ томъ оузрѣла она подъ однимъ дꙋбомъ нѣсколько великихъ грибовъ, а оустремивши цѣлое вниманіе на тіи горбатыи ростѣніѧ побѣгла на опредѣленное мѣстце. Ледвы що присѣла на землѣ, оустланнꙋ зеленью, и начала грибы собирати, ꙗкъ внезапно чꙋвствовала, що ꙗкіи то рꙋки съ несы-

*

ханною ловкостїю заслонили ей очи, и оупорною крѣпостью своего предмета держались. —

Якъ листье осики, задрожала Ганѹся и перепѹдилась оужасно въ глѹбинѣ дѹши, во не замѣтила нїякого человѣка въ лѣсѹ, и только шѹмъ и хропотъ деревесъ поспѣшествовалъ нечаянномѹ посѣтителю.— Кто бы то былъ?" — подѹмала она тревожливо", „вѣроятно не Марина, ей рѹки не сѹть такъ тяжки и шершавы; также она побѣгла была въ противнѹ сторонѹ, и ей теперь гривы на головѣ, а не пѹстая легкомысленность!"

—„То не ты Марино?" озвалась она тихо дрожащимъ голосомъ.

„Ха, ха, ха! — о я не Марина! оугадай моя Ганѹсю, кто бы то былъ?" отвѣчалъ мѹжескїй хвастливый голосъ.

—„Ахъ мой Боже! то вы Филипе! Та чего вы отъ мене бѣдной сироты хочете? Пѹстѣтъ мене! пѹстѣтъ! про милость Бога! Щобы честны люди сказали, щобы Борисъ сказалъ, если бы мене въ томъ соромительномъ состоянїю оувидѣли? Пѹстѣтъ!" кричала несчастная жертва сердцекрѹшительнымъ стономъ.

И въ самомъ дѣлѣ той пакостный лѹкавецъ не кто иный былъ, якъ пѹстый Филипъ, который идѹчи изъ ловли, нечаянно подевѹнялся былъ до беззаботной дѣвчины.

„Ей, Ганѹсю! не кричи такъ велегласно, таже я тебѣ ничего злого не сдѣлаю; вотъ я тя пѹщѹ, но подъ однимъ оусловїемъ."

—„Подъ нїякимъ оусловїемъ! Богъ видитъ! Ахъ чемѹжь я така несчастная? Що я вамъ винокатa, що вы мене избрали за плачевнѹю жертвѹ, до котрой ѣдкїи стрѣлы вергаете? Идѣте себѣ отъ мене отчаянной!" рыдала Анна, закрываючи свое освобожденное лице сѹдорожною рѹкою.

„Я тя пѹщѹ, сей часъ пѹщѹ, но изволь да поцѣлѹю разъ твои рожевыи оуста, и то конечно, во ты есь мою должницею за тое, що такъ отправилась мене въ послѣднїй праздникъ отъ твоей близости!" сказалъ своевольно Филипъ, освободивши заслоненныи очи Анны, и обнявши дикою смѣлостїю ей шею.

—„Никогда! прежде оумрѹ, нежели изволю, дабы ваши испорченны оуста мене прикасались. Прочь отъ мене! Кїй чортъ вѣнѹется во васъ!" вскричала дѣвица во святомъ гнѣвѣ.

„Го,! Го! я долго ждати не бѹдѹ на твое призволенїе; — вотъ имѣешь первый, но и жаркїй поцѣлѹй! Да бѹдетъ!" — сказалъ розогненный Филипъ, сопровождаючи свои слова чиномъ.

Смертный крикъ издался изъ свирѣпо волнѹющейся грѹди несчастной дѣвы, страшно затемнѣлось въ ей очахъ, и поблѣднѣвши якъ мраморна статѹя, оупала при ногахъ своего дѹшевѹбїйцы. . . . . .

„При всѣхъ картечахъ и ракетахъ! кое сотонское дѣло произвелъ ты проклятый бѣсе?" загремѣлъ трѹбный голосъ Бориса, хватающего одною рѹкою внезапно шею льстивого Филипа. „Кїй Лѹциферъ наставилъ тя тѹтъ адовый сынѹ мою невиннѹ Ганѹсю оскорбляти? О несчастная Анно! пропала оуже твоя невинность, тебе отравилъ тотъ смѣльчакъ своимъ смертоносныимъ дыханїемъ!" сказалъ розъяренный Борисъ, поднявши дрѹгою рѹкою изъ земли блѣднѹю дѣвицѹ. — Опамятавшись, встала несчастная Анна, и о нѣсколько шаговъ сѣвши себѣ подъ дѹбомъ, зачала горько рыдати. . . . . .

Была то страшна сцена!

Старый воинъ стоялъ съ грознымъ лицемъ, якъ оный Геркулесъ держащій въ рукахъ железныхъ ѣдовитого змѣя, — стоялъ съ ужаснѣйшимъ взоромъ якъ иногда въ битвахъ, опираючися о свою новую жертву, . . . тамъ заломивала руки горько плачущая Анна, — на небѣ гналися черны хмары, въ ихже нѣдрѣ почивалъ новорожденный громъ, а вѣтръ оный легкій подружился съ своими родственниками и сталъ шумно въ деревахъ бушовати. —

Пустый Филипъ стоялъ разъ якъ столпъ, погруженъ въ изумленію надъ тѣмъ внезапнымъ и неожиданнымъ посѣщеніемъ старика, то снова вертѣлся, и истощалъ всѣ силы, дабы ино отъ своего напастника освободитися. — И въ истину! якъ Анна изъ одного злобного происшествія не могла опамятатися, такъ и Филипъ трясся малодушно въ рукахъ Бориса, котрый, будьто невидимо гдесь съ облаковъ пустился; но ни Филипъ ни Ганнуся не вѣдали, що тотъ нечаянный посѣтитель въ сосѣдствѣ дрова рубалъ, и що Вѣрный, занюхавши своего дразнителя, за его слѣдами бѣжалъ, пока не остановился при Аннѣ. Скоро ино песъ узрѣлъ що тотъ его ворогъ нападенную дѣвицу до восклицанія плачевного принуждилъ, помчался сейчасъ якъ вѣтръ до своего господина, и терзаючи съ удивительнымъ быстроуміемъ за сукману заворчалъ жалостно, и старался съ неувѣренною проворностію его въ свой слѣдъ повести. Вырозумѣлъ Борисъ що вѣрная собака своимъ рѣдкимъ инстинктомъ, якое открытіе, якъ то часто дѣялось, изъявити хочетъ. И такъ пошедши за проводящимъ псомъ, узрѣлъ онъ съ сердечною болѣзнію тое сумное произшествіе. —

Теперь отвѣчай, безумный хлопче! по що ты тую дѣвицу такъ жестоко безпокоилъ?" . . .

— „Откуду тая ваша смѣлость, не знаете-ли, що вы подданый, а я вашъ господинъ! Прочь отъ мене! уже поздно есть, мнѣ нужно домой воротитись."

„Да будетъ. но изволите, дабы нижайшій слуга васъ для большей безпечности до двора провождалъ!" сказалъ Борисъ съ терпкою насмѣшкою.

— „Не есть потребно! Вотъ такихъ бродягъ, якъ ты не боюся, имѣю бо довольно добру стрѣльбу, а настоящая буря не много мнѣ повредитъ. Пускай мя изъ твоихъ хищныхъ рукъ, пускай, прошу. . . бо не могу вольно отдыхати!"

„Сей часъ, господине! но гляньте ино на захмаренное небо, внимайте тѣмъ страшнымъ громамъ, — вотъ дерева хитаются и грозятъ съ коренемъ опровергнутись. Ваше житіе должно мя обходити, . . ба уже и дождь кропитъ, спѣшимся, стезь бо ведетъ до урвистой горы, отже можете паничу посолзнутися, на мнѣ жь будете опиратися и зайдете въ покойствію домой."

— Добре! ходи со мною, ходи старый бродяго! — а пришедши крикну на гайдуковъ, и будешь тамъ. где былъ твой песъ, — знаешь где?" —

„Знаю да будетъ! — Ты Ганнусю спѣши до хаты дабы тя дождь не промочилъ!"

И прежде, нежели вечерь бываетъ, смерклося, а природна ночь сокупилась съ ночію черной хмары. И началось ужасное блистаніе сопровождаемое оглушающимъ громомъ.

Еще стояли тіи два мужи на прежнемъ мѣстцѣ, коли велегласный громъ, исходящій будьто изъ ротовъ тысячи пушекъ

тѫжь предъ ними въ пламенѣющемъ блистанїю опѫстилса.

„Оутекаймы оттѫдѫ! оутекаймы, бо тѫтъ смерть и розрѫшенїе! крикнѫлъ Борисъ во оуши остолпѣлого молодца.

И не знаючи, що дѣлати, помчалса Филипъ стезею до горы, а за нимъ Борисъ. „Видите паничѫ! тотъ громъ былъ голосъ божїй, грозащїй вашемѫ безчинствїю!"

— „Молчи! старый дѫракѫ, и не препатствѫй мнѣ мой пѫть.

„О того ꙗ не дѣлаю! но бѫдѫ всегда препатствовати безтыдство такого смѣльчака, ꙗкъ вы!"

— „Молчи! бо если еще одно словко забормотишь, то прошїетъ смертнаꙗ кѫла твою лѫкавѫю грѫдь.

„Що кѫлꙗ? бѫдь лишь изъ твоей блашанной стрѣльбы! Вотъ летитъ близко соколъ, докажи твоего искѫства прежде до него, а довѣдаюса добре-ли мѣришь?"

Во времꙗ той бесѣды вышли оба оуже на горѫ, где на долинѣ подъ стопою горы Днѣстеръ ревѣлъ.

— „А! ты сатане! оуже не бѫдешь мнѣ долше на дорозѣ! сказалъ розъяренный Филипъ, и сталъ нечаꙗнно изъ стрѣльбы до Бориса мѣрити, который о нѣсколько кроковъ за нимъ шелъ. Но ꙗкъ орелъ въ одномъ мгновенїю на свою жертвѫ вергаетса, такъ скочилъ двома кроками Борисъ до шалѣющего молодца, и хвативши его за рѫкѫ, вырвалъ стрѣльбѫ отъ загорѣлца, и приложивши ею до колѣна твердого, сокрѫшилъ легкое орѫжїе на двѣ части. Но на томъ не конецъ. Розогненный смѣльчакъ, оувидѣвши свое ничтожное посрамленїе, вытащилъ изъ кишени малый пистолетъ, и намѣралса тѣмъ старикѫ догодити. Но съ оудивительнымъ хладнокровїемъ приступилъ Борисъ до Филипа, и старалса своими жилястыми рѫками и тое орѫжїе изъ долони загорѣлца выдерти. — Долго продолжалась таꙗ насильственнаꙗ борьба. . . . наконецъ оудалось Филипѫ своею десною рѫкою пистолетъ нарадити, и прежде нежели Борисъ оухилитиса возмогъ, проворно въ своего сопротивника выстрѣлити. . . . Загремѣло и на небесномъ сводѣ, и пламенѣющее блестанїе озарило страшенный видъ борцевъ, а ночнаꙗ тьма и той внезапный блескъ изнѫрали тѫтъ оужасное видѣнїе, бѫдьтобы прибавленїе адовой пропасти! . . . . .

Выстлѣрилъ безѫмный Филипъ, зашѫмѣло въ облакахъ, и снова простерса на землѣ ночный тѫманъ: а раненный Борисъ напрѫжилъ еще всѣ свои силы, поднесъ молодца до горы, и освобождаючиса отъ своего времени, вергнѫлъ Филипа до покатой земли. . . .

Несчастный той молодый борецъ, павши изъ рѫкъ Бориса, переверталса своимъ тѣломъ по выпѫклой нарѫжности горы, не могѫчи въ томъ неѫдобномъ бѣгствѣ ꙗкимъ препатствїемъ задержатиса — качалса, пока не изчезъ въ грѫбой тьмѣ. Борисъ же только на рамени раненъ, шелъ съ крайною болѣзнїю сердца до бѣдной Ганѫси, не скажаючи, що изъобильна кровь по его одеждѣ сплывала. — На приключившееса происшествїе взиралъ онъ рѣдкою твердостїю дѫши, и не выкидивалъ себѣ ни въ малѣйшемъ, що онъ такъ строго съ молодцемъ — смѣльчакомъ постѫпилъ, хотѣлъ бо онъ емѫ достопаматное поѫченїе дати, що невинныхъ и сиротъ оскорблати не годитса; такожь предвидѣлъ онъ, що изъ того горнього пѫтешествїꙗ Филипа злыхъ слѣдствїй не бѫдетъ, понеже ровнаꙗ выпѫклость горы

соединилась съ долиною опирающеюся о Днѣстеръ. Легкомысленный же Филипъ долженъ былъ о цѣломъ происшествїю молчати, будь що хотѣлъ себе самого обвиняти.

Недалеко поступалъ старецъ, бо сильная туча и понесенная рана не дозвалали ему скорѣйше ити, а въ той темной и буйликой преждевременной ночи было даже невозможно ходъ удвоити. Гремѣло безпрерывно, а хмары, снабденныи изъобильнымъ плодомъ, проливали свои струи въ розноообразныхъ плетенїяхъ въ лоно задремавшейся природы. . . .

„Бѣдна, бѣдна Гануся! твоя невинность непорченна уже вредливымъ ѣдомъ!" стоналъ Борисъ, сближаючися до глубокого корыта быстрого ручея, черезъ которого нужно было по кладцѣ узкой перейти, дабы до села достатися.

„Несчастная дѣвчино! що съ тобою сталось?!"

—„О нѣтъ! любый стрыю, я есмь невинною якъ и прежде я была!" роздался въ близости плачевный женскїй голосъ.

„То ты Ганусю! о мой Боже! а ты по що подъ тою вербою сидишь?"

—„Яхъ мой ангеле-хранителю! гляньте но на той рвистый ручей, уже нѣтъ кладки на немъ!

„Кладь есть, но пала однимъ концемъ въ воду. О несчастная судьбо! . . . . Щожь тутъ дѣлати? Гм! . . . . . да будетъ! приближись до мене, хватайся моихъ плечей! — такъ — теперь держися крѣпко руками моей шеи, и не бойся ничего, — Богъ съ нами! . . . .

И вязавши милое время на свои плечи, пустился учтивый старецъ берегомъ до шумящего потока, щобы на другїй бокъ корыта переправитись. — (П. с.)

ПОЯВЫ ИЗЪ ЖИТЬЯ ШКОЛЯРСКОГО

II

Было то сновь въ одинъ день праздничный, освобождающїй объучающе ся юношество отъ школьной якъ мовлятъ неволи. Розрадовавшись тѣмъ такъ много ожиданнымъ обстоятельствомъ, многїи юноши отдаются опять своимъ розторгненїямъ и сошедшись поютъ та розговориваютъ якъ обыкновенно. Вотъ и опять прошибли все заобитанное зданїе верески и неутомительныи крики. Всуе трудилась и силилась газдиня вдовица со своими розсужденїями та упомяненїями, дабы хотя о крихту пѣли тихше.

— Моя госпоже! озвался найповажнѣйшїй между ними, якъ видѣлось голова всего обиталища; мнѣ кажется, що никто не запретитъ намъ пѣти да дѣлати по волѣ въ своей комнатѣ, когда мы платимъ за сїе.

— Алежь мой господине! никто въ свѣтѣ не принялъ бысь терпѣти тѣхъ дикихъ криковъ, хоть бы и за якїи гроши.

— То намъ однако, чи кто привыкъ или нѣтъ, любитъ или не любитъ нашихъ криковъ когда есь грибъ, то лѣзь въ кошель, и годѣ!

— Но прошу! тое такъ ниякимъ свѣтомъ не можетъ быти. Таже сутъ между вами и малыи, должны учитись, господинъ С.... якъ бачу ажь затыкаетъ слухи надъ книжкою.

— Ласкава госпоже, благоволѣтъ прошу оставити насъ въ мирѣ и заховати на лучшїи времена свои совѣтованїя и розсужденїя. Есть то дѣло очень дивное! малюшки, да не обитаютъ купно съ великанами, а будутъ больше и лучше пренебрегати книжки. Касательно же господина С.... обавляемъ ся истинно, дабы не досталъ воспаленїе розума по такъ безпрерывныхъ книжныхъ усилїяхъ, тожь и ему дѣлаемъ сїе въ розторгненїе.

Господинъ С.... зачувши сїю изреченную примѣтку отъ зарозумѣлого госп. М.... розпламенѣлъ ся достойнымъ гнѣвомъ и посунувши лежащїи книжки на своемъ ложу озвался рѣшительно.

— Смотрѣте но госп. М.... якое вы получете возпаленїе съ концемъ школьного року?...

— По чемъ такъ понимаете? отрекъ наименно напружившись госп. М....

— Вы лучше должны понимати сїе отъ мене;

когда самы на себе не сважаете, то сважайте прецѣжь на родичей, да не ложатъ столько всуе працы своей —

— Дуже прошу! вотъ! вотъ! якій ми ось моралиста! должно вамъ знати, що дабы вы и посивѣли надъ книжкою, то не возможете такъ понимати свѣтъ и обстоятельства якъ я; давно я уже выросъ изъ того, въ чемъ вамъ бродити такъ удовольно; чи понимаете?

— Ха! ха! ха! думаете, що далеко утекли вы отъ мене? отъ въ два года сойдемъ ся такъ красненько, будемъ себѣ сошколниками, если вамъ присудитъ Господь такой ласки отъ родичей.

Такъ ѣдкое изреченіе возмущило страсть самолюбія госп. М. и былибы явно нечестно поганьбились, кобъ госп. С.... не уступилъ былъ упрямости зарозумѣлого неуки, и заткавши палцами слухи не сталъ былъ опять читати въ книжцѣ. Газдиня присутствующа тому розговору пошла посмѣшкиваючись въ свою комнату, и стала заклинатися на чемъ свѣтъ стоитъ, що если Господь Богъ призволитъ дождати слѣдующего года за ніякіи гроши не пріиметъ больше на пропитаніе великановъ. Умолкшіи пѣвцы зачервенѣлись были на вшествіе газдинѣ даже по сами слухи, а когда почался розговоръ межлу С.... а М.... презирательно поглядаючи на первого, моркотали щось между собою.

— А сего еще менѣ не стало ось тутка! прошужь васъ, дабы человѣкъ не былъ свободенъ себѣ запѣти или побесѣдити со своими сошкольниками, про сіе, що тотъ онъ куетъ день и ночь, или по семъ, що газдиня имѣетъ такъ нѣжненькіи слухи. А тфу съ такимъ ось обиталищемъ!

— Вотъ ктобы тамъ сважалъ на тое! желаетъ ли имѣти монастырскую тишину, да благоволитъ обсмотрѣти себѣ обывательское обиталище, не правдажь? прибавилъ одинъ изъ междунихъ, искренній другъ госп. М....

— А госпожа газдиня если имѣетъ такъ нѣжныи слухи, лучшебы отречися ей всѣхъ вызыскиваній, да пребывати въ голодѣ та въ холодѣ, но за тое въ мирѣ, прибавилъ иный.

— Явно такъ, чижь кто упрашался до ней? мовилъ М....

— Дурачество и годѣ! вотъ наложетъ трубку, да пойдетъ все безумное съ дымомъ! воскрикнулъ одинъ молчащій доселѣ.

— Прошужь я васъ, когдабы я такъ безпрерывно сидѣлъ та чопѣлъ надъ книжкою, не лише всѣ превосходныи классы имѣлъ бы, но и лучше зналъ и рѣчь даже отъ профессора, не правдажь?

— Дуже некрасно когда не есть такъ якъ моглобы быти; когда орелъ имѣетъ буйныи крыла летаетъ по подъ облаки; выже имѣете талантъ, а потеряете его въ лѣности озвался на тое С....

— Прошу оставте мя въ мирѣ! молчѣтъ если не до васъ бесѣда, повелѣваючимъ голосомъ отрекъ М.... и обернулся плечима....

— Оставтесь, залишѣтъ тое, що тамъ будете розговоривати о дурачествѣ, примирающимъ голосомъ заговорилъ другъ до М....

— Етъ запоймы „нежури ся мой Хозяю" дабы ажь трещало и годѣ! воскрикнулъ одинъ бо толпы. И похвативши радостно всѣ совѣтъ тотъ, якъ бы на укоръ всему свѣту стали на все горло открикивати тую пѣсню. (П. с.)

Списъ достоп. предплатителей на Зорю Галицкꙋ т. ρ.

(конецъ).

Его Перв. выс. преп. госп. Баронъ Яхимовичъ, владыка въ Перемышлѣ. Преп. г. Добрянскій прих. въ Валавѣ. Достоп. общество ОО Василіанъ въ Дрогобычѣ. Пр. г. Устіановичъ въ Славску. Пр. г. Назаревичъ въ Завалю. Пр. г. Давидовичъ въ Блазовѣ. Пр. г. Порубалскій въ Соколовцѣ. Пр. Б. г. Славинскій въ Коломыѣ. Пр. г. Тарновскій въ Колтовѣ Бл. г. Макаръ ц. к. учитель гим. въ Самборѣ. Преп. г. Лаврецкій Самборѣ. Преп. г. Руденскій въ Княждворѣ. Преп. г. Витвицкій въ Далишевѣ. Преп. г. Величковскій въ Солотвинѣ. Преп. г. Подлускій въ Бѣгалѣ Преп. г. Скобѣльскій въ Самборѣ. Преп. г. Зомборія въ Унгварѣ. Пр. г. Ковблянскій въ Краснѣ. Преп. г. Омелянскій въ Скоморохахъ. Преп. г. Ткачкевичь въ Струтинѣ. Дост. общество ОО. Василіанъ въ Бучачѣ. Пр. г. Шуртовичъ въ Унгварѣ. Пр. г. Гомикъ въ Вислоку великомъ. Пр. г. Гараевичъ въ Зубковѣ. Пр. г. Криницкій въ Тыличу. Пр. г. Бѣлинскій въ Терпополѣ. Пр. г. Кобринскій. прих. изъ Раковецъ

Всѣ тіи достоп. читатели, котрыи не суть печатаныи въ томъ спискѣ, не предплатили ничь доселѣ на „Зорю Галицкую". Про тое да благоволятъ извѣстити намъ, дабы мы въ будуще нездержались съ посылкою подъ ихъ адрессомъ и не дѣлали себѣ коштовъ, которыи намъ не повернутся. Не желаемъ никому накидати временописи нашей; кто не желаетъ предплатити воистинно, да благоволитъ вселаскаво повернути намъ слѣдующіи числа: 1—3—4—11, и 22 тѣ бо не достаетъ намъ, а придати придадутся.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.